

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Events as grammatical objects. The converging perspectives of lexical semantics and syntax / Ed. by C. Tenny, J. Pustejovsky. Stanford: CSLI publications, 2000. x, 510 p.

Сборник статей “События как грамматические объекты: на стыке лексической семантики и синтаксиса” под редакцией К. Тенни и Дж. Пустейовского российскому читателю может показаться поучительным в двух отношениях. С одной стороны, будучи составлен из работ, написанных американскими и европейскими исследователями первого ряда, причем как семантистами, так и синтаксистами, сборник дает прекрасную возможность увидеть, о каких проблемах и на каком метаязыке говорит сейчас западная лингвистика.

Другой итог чтения книги намного содержательнее. Понятие “событие” (или “ситуация”) мы привыкли использовать, когда речь заходит о семантике вида, времени, модальности, о семантических ролях, аргументной структуре, залого и актантных деривациях. Однако для российской лингвистики не очень характерен взгляд на событие как на теоретический объект, как на компонент эксплицитной и строгой теории. Что является событием и что не является? Существуют ли языковые выражения, обозначающие события, и как они устроены? Имеет ли событие структуру, и как эту структуру следует описывать? Возможен ли анализ одних и тех же языковых фактов как с привлечением понятия “событие”, так и без него? И если такое возможно, то как эмпирически определить, какой вариант лучше?

На Западе эти проблемы давно и интенсивно обсуждаются. Начало было положено еще в 1967 году, когда Дональд Дэвидсон [Davidson 1967] выдвинул следующую гипотезу: события имеют такой же онтологический статус, как более привычные нам индивиды-объекты, например, ‘стол’: события ‘стол сломался’ – это тоже индивид, другого сорта, но индивид. Эта гипотеза имела колоссальные последствия. В моделях, которые строили специалисты по модельно-теоретической семантике, появи-

лись сущности особого рода – события. Формальные языки, описывающие эти модели, дополнились переменными, “пробегающими” по событиям. У предикатов, наряду с индивидуальными аргументами, появился и событийный (“дэвидсонов”) аргумент. Привычный нам анализ предложения *Вася убил Петю* на языке исчисления предикатов первого порядка раньше выглядел так: **убить**(в, п). После того, как появились события, все стало иначе: предикат стал обозначать не двухместное отношение между Васей и Петей, а трехместное – между Васей, Петей и событием, в котором первый убил второго, а предложение получило такой анализ: $\exists e$ **убить**(в, п, e). Немного позже анализ стал развиваться еще дальше: глагол начали переводить как одноместный предикат над событиями, а его аргументы привязывать к событию с помощью особых двухместных отношений – тематических ролей. Интуиция тех исследователей, которые настаивали на эксплицитном использовании ролей в семантической теории, была наконец реализована. После этого предложение *Вася убил Петю* стало анализироваться так: $\exists e$ [**убить**(e) \wedge Agent(v, e) \wedge \wedge Patient(p, e)].

Одновременно с этой революцией в семантике (которую, заметим, приняли далеко не все – см., например [Verkuyl 1999], где серьезно критикуется подход Д. Дэвидсона), не прекращались попытки дать событию и синтаксическое определение. В частности, подойти к проблеме события со стороны синтаксиса позволили исследования по аргументной структуре (см. например [Hale, Keyser 2002], где приводится краткая история вопроса) и семантико-синтаксическому интерфейсу. Очевидно, что принципы, отображающие семантические аргументы глагола в его синтаксические аргументы, жестко ограничены. Чем объясняются эти ограничения? Почему, например, се-

мантических ролей именно столько, сколько есть, и у одного предиката не может быть двух аргументов с одинаковой ролью (см. [Тестелец 2001])? Ответы на эти вопросы могут быть разные. Одна из наиболее влиятельных теорий, теория “лексического синтаксиса” К. Хейла и С.Дж. Кейсера, выводит такие ограничения из теоретически допустимого набора синтаксических конфигураций, которые может проецировать глагольная основа. Если эта теория верна (а она, по крайней мере, убедительно объясняет целый ряд любопытнейших фактов), то понятие “событие” получает не только семантическое, но и синтаксическое определение.

Все это и многое другое обсуждается в рецензируемом сборнике, который содержит четырнадцать статей, сгруппированных в четыре раздела.

Первый раздел “Морфосемантическая композиция структуры события” открывается статьей, написанной редакторами сборника и возглавленной “История событий в лингвистической теории”. Название говорит само за себя: как и во всякой вводной статье, в ней предлагается подробный обзор предшествующих достижений и краткое введение к опубликованным в сборнике работам.

Первая из содержательных статей – статья Ханы Филип “Загадка квантизации” (“The quantization puzzle”) – посвящена делимитативным и аккумулятивным глаголам в славянских языках, в первую очередь, в русском. Важные свойства этих глаголов неоднократно отмечались исследователями. Особенно приставки *по-* состоит в том, что это одна из двух приставок в русском языке (и, несомненно, единственная продуктивная), которая порождает глаголы совершенного вида, сочетающиеся с обстоятельствами длительности типа *пять минут*, как, например, в предложении *Вася поспал пять минут*. Все прочие глаголы совершенного вида, исключая пердуративы с *про-*, допустимы только в контексте обстоятельств типа *за пять минут*. Делимитативы примечательны и тем, что не вызывают у своего прямого дополнения эффекта определенности. *Пописал письма*, в отличие от *написал письма*, не предполагает, что множество писем, о котором идет речь, было заранее введено в рассмотрение. Аккумулятивы с приставкой *на-* (*Дети нарвали цветов на лугу*) также имеют ряд семантических и синтаксических особенностей. Прежде всего, они предполагают множественность несовпадающих во времени подсобытий, где с каждым из подсобытий связано подмножество объектов, обозначенных прямым дополнением. Событие, обозначаемое предикатом *нарвать цветов*, – сумма таких

отдельных подсобытий. Но самая главная загадка и делимитативов, и пердуративов, которой и посвящена статья Х. Филип, состоит в том, что и те и другие не являются “квантованными” – в отличие от всех прочих глаголов совершенного вида в славянских языках.

Квантованность как понятие мереологической теории Манфреда Крифки [Křífka 1989; 1992; 1998] в последние годы показало свою исключительную плодотворность при анализе именных и глагольных выражений естественного языка. Квантованным является любой предикат, будь то именной или глагольный, если выполняется следующее условие: для любой сущности верно, что если она входит в означаемое предиката, то никакая ее часть не входит в означаемое того же самого предиката. Например, существительное *яблоко*, обозначающее именной предикат, является квантованным, поскольку, никакую часть яблока нельзя назвать яблоком, а *вода* не является, поскольку если от порции воды отделить часть, это все равно будет вода. Квантованность характеризует не только именные, но и глагольные предикаты, обозначающие события. Если верно, что Вася спал с 7 до 11 часов, то верно и то, что он спал с 8 до 9 часов: *спать* – неквантованный предикат. *Написать*, напротив, квантованным является: если Вася начал писать письмо в 7 часов, а закончил в 10, то ни о какой части события, заключенной внутри меньшего интервала, нельзя сказать *Вася написал письмо*. Анализ М. Крифки позволил сделать эксплицитными сходства в референции именных и глагольных выражений, а также объяснить в рамках теории аспектуальной композиции, как свойства первых влияют на свойства вторых.

Долгое время семантисты (в частности, и сам М. Крифка) считали, что в славянских языках совершенный вид эквивалентен квантованности. Х. Филип показала, что делимитативы и аккумулятивы делают это обобщение проблематичным. Действительно, если некоторую ситуацию мы можем описать как *Вася погулял*, то, по всей видимости, точно так же мы можем описать и часть этой ситуации. С другой стороны, если какую-то ситуацию мы описываем как *Дети набрали много цветов*, то можно найти и часть этой ситуации, о которой можно сказать то же самое – лишь бы количество цветов все равно расценивалось как достаточно большое. Х. Филип в своей статье предлагает удачное решение этой проблемы. Не вдаваясь в подробности, отметим, что одно из главных достоинств предлагаемого анализа состоит в том, что автору удалось максимально использовать сильную сторону мереологической теории – анализ

именных и событийных выражений в единых терминах. В частности, Х. Филип убедительно аргументировала, что приставки *na-* и *po-* можно рассматривать как аналоги нечетких квантифицирующих выражений типа *много* и *немного* в именной сфере.

В статье Г. Дэвиса и Г. Демирдаш “О лексическом значении глагола: данные салишских языков” (“On lexical verb meaning: evidence from Salish”) обсуждается, какую информацию несут глагольные основы в естественном языке, насколько универсальна эта информация и какой теоретический анализ глагольного значения представляется наиболее выигрышным. В некоторых теориях, например, утверждается, что для глаголов в естественных языках лексически задан только внутренний аргумент – пациент, причем это верно и для двухместных глаголов типа *писать* и для одноместных типа *падать*. Внешний аргумент – агент глаголов типа *писать* или единственный аргумент глаголов типа *бежать*, словарно в аргументной структуре глагола не представлен и создается только в синтаксисе. Прекрасным полигоном для теорий такого рода является материал языков, в которых имеются разнообразные средства морфосинтаксического воздействия на аргументную структуру, в первую очередь показатели актантной деривации. Именно такими языками и являются салишские. Авторы убедительно показывают, что все минимально морфологически маркированные глагольные основы синтаксически выражают только внутренний пациентный аргумент, то есть являются синтаксически неаккузативными. В этих языках, например, нет непроизводного глагола со значением ‘ударить’, но есть глагол со значением ‘получить удар’. Кроме того, в них имеются достаточно многочисленные морфосинтаксические средства, создающие переходные и одноместные неэргативные предикаты. В частности, в них представлены четыре транзитиватора, которые отличаются тем, является ли контроль за осуществлением ситуации со стороны одного из участников обязательным и является ли второй аргумент синтаксически прямым или непрямым дополнением.

Анализ лексической и синтаксической дистрибуции глагольных основ в салишских языках, который выдвигают и обосновывают авторы, состоит в том, что несмотря на морфосинтаксическую неаккузативность, семантическое представление глагольных основ в них имеет каузативную структуру. Вместе с Дж. Пустейовским [Pustejovsky 1995], Б. Левин и М. Раппапорт Ховав [Levin, Rappaport Hovav 1995] и некоторыми другими лингвистами, авторы статьи исходят из того, что лексическое

представление неаккузативных глаголов в салишских языках содержит два подсобытия, связанных отношением каузации. Участник одного подсобытия – аргумент, претерпевающий воздействие при развитии ситуации, участник второго подсобытия – аргумент, вызывающий эти изменения. Эта структура, считают авторы, является универсальной и присуща лексическим представлениям глагольных основ во всех языках. Особенность салишской семьи состоит в том, что выражение каузирующего подсобытия всегда морфологически маркируется. Морфологически немаркированная глагольная форма, напротив, всегда составляет каузирующее подсобытие невыраженным в синтаксисе, что и приводит к возникновению поверхностно неаккузативных предикатов.

Второй раздел книги – “Как синтаксическая структура выражает событие” также содержит три статьи. Программная статья Л. Трэвис “Структура события в синтаксисе” (“Event structure in syntax”) посвящена ответу на вопрос о том, отражает ли структура клаузы структуру события и если да, то какие составляющие клаузы связаны с какими компонентами события. Следуя в первую очередь представлениям К. Хейла и С.Дж. Кейсера [Hale, Keyser 1993] об аргументной структуре как о лексическом синтаксисе (l-syntax), Л. Трэвис предлагает анализ структуры клаузы, в котором представлены две глагольные вершины и две их максимальные проекции – VP1 и VP2. (Л. Трэвис эксплицитно отождествляет их с более принятыми в современной синтаксической теории обозначениями – vP и VP.) В позиции вершины V1 размещается морфема CAUS, в позиции ее спецификатора – агентивная именная группа. В позиции вершины V2 находится глагольная основа, а ее спецификатором выступает пациентная именная группа. (Следует, впрочем, заметить, что в теории К. Хейла и С.Дж. Кейсера тематические/семантические роли не вводятся как теоретический примитив – они отождествляются с позициями в синтаксической конфигурации, проецируемой глаголом.) Опираясь на дистрибуцию показателей каузатива в тагальском и малагасийском языках, Л. Трэвис выдвигает следующую гипотезу: проекция VP1 (=vP) – это одновременно граница л-синтаксиса, граница возможного морфологического слова и граница события. Более того, в тагальском языке имеется морфема, которая эксплицитно маркирует эту границу – для нее предлагается постулировать специальную функциональную проекцию EP (Event Phrase). Все, что находится ниже этой проекции, соответствует компонентам события – аргумент в Spec, VP1 каузи-

рует процесс, который происходит с аргументом в Spec, VP2. В языках с морфологическим каузативом именно показатель каузатива занимает позицию вершины V1.

Материал малагасийского и тагальского языков дает основание для выделения и еще одной вершины Asp между V1 и V2 с соответствующими проекциями: в этой вершине размещается специальная морфема акциональной модификации – показатель предельности. Результирующая структура клаузы показана на рис. 1.

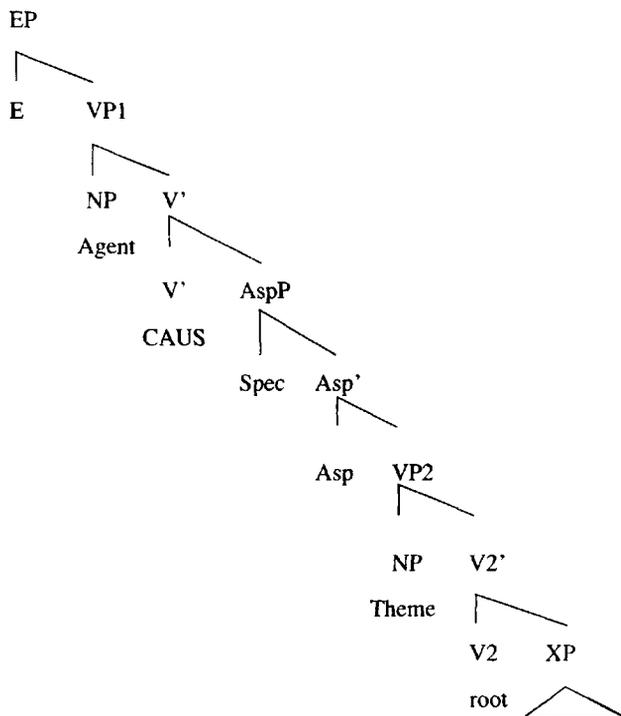

Рис. 1.

ет компонентам события и какие морфосинтаксические операции и отношения могут менять эту структуру, продолжается в статье Э. Риттер и С. Розен “Структура события и эргативность” (“Event structure and ergativity”). Как и Л. Трэвис, авторы статьи вводят синтаксическое определение события. Канонические события, пишут они, состоят из компонентов каузации (в терминах, принятых в данной статье, – инициирования), развития и завершения, но только первый и последний грамматикализуются в языках. В отличие от Л. Трэвис, у которой структура события – то есть состав аргументов и отношения между ними – в основном

Выясняется, наконец, что появление показателя предельности предполагает ненамеренность действий агенса. Это, объясняет автор, связано с тем, что Asp может приписывать особую тематическую роль в позиции своего спецификатора. Именно эта возможность отличает глаголы с показателем предельности от глаголов без такого показателя, у которых внешний аргумент получает роль “полноценного” агенса в позиции Spec, VP1.

Обсуждение похожей проблематики – в какой степени архитектура клаузы соответству-

определяется лексическими вершинами внутри VP и их спецификаторами, Э. Риттер и С. Розен отводят эту роль функциональным проекциям, расположенным над VP, а именно, AgrO и AgrS. Эти проекции, которые несут признаки падежа (а именно, падежей подлежащего и прямого дополнения – номинатива и аккузатива) и согласования, по замыслу авторов, приписывают в позиции своего спецификатора роли соответственно инициатора и ограничителя события. Интуиция, которая скрывается за такой системой допущений, во многом соответствует той, которую мы обсуждали выше. Агенса инициирует событие и,

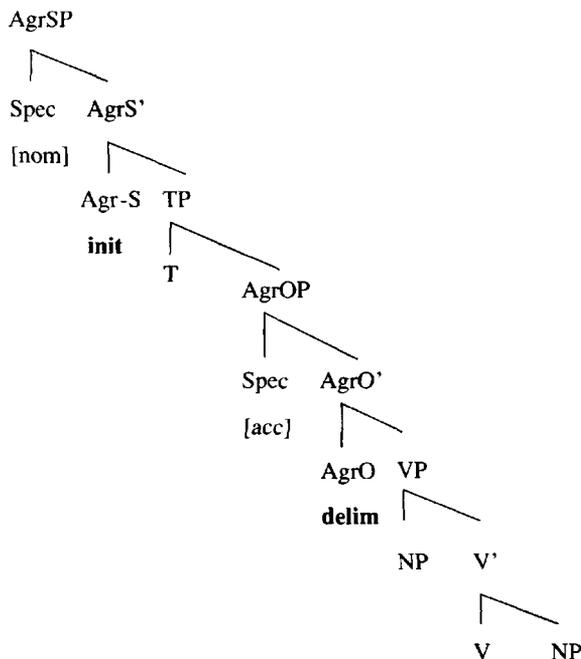

Рис. 2.

возможно, также контролирует его. Пациент подвергается изменению при осуществлении этого события и тем самым создает для него предел. Синтаксическая структура, соответствующая такой системе допущений, представлена на рис. 2.

Если понятия инициирования и завершения отождествляются с функциональными проекциями, “отвечающими” за подлежащее и прямое дополнение, становится очевидным, что каноническое событие в данной теории – это предельное событие с двумя участниками, описываемое переходной клаузой с подлежащим и прямым дополнением и относящееся к классу вендлеровских accomplishments.

Очень близкий круг идей обсуждается и в статье А. ван Хаут “Семантика события в словарно-синтаксическом интерфейсе: вариативность модели управления в нидерландском языке и ее усвоение” (“Event semantics in the lexicon-syntax interface: verb frame alternations in Dutch and their acquisition”). Статья предлагает читателю возможное решение проблемы того, как свойства прямого дополнения и само его наличие определяют предельность и непредельность глагольного предиката. Известно, что в языках типа английского (к которым в полной мере принадлежит и обсуждаемый в статье нидерландский) исчисляемое прямое дополнение в единственном числе или опреде-

ленное прямое дополнение во множественном числе создает предельный глагольный предикат (*ate an apple in an hour* || **for an hour* ‘съел яблоко за час || *час’), тогда как неисчисляемое или множественное неопределенное прямое дополнение – непредельный глагольный предикат (*ate apples for an hour* || **in an hour* ‘ел яблоки час || *за час’). Выясняется, что для тех глаголов, которые могут образовать синтаксически правильную глагольную группу как с прямым дополнением, так и без нее, в последнем случае обязательной является непредельная интерпретация (*ate for two hours* || **in two hours* ‘ел два часа || *за два часа’). Как объяснить такой диапазон интерпретаций и такие имплицативные отношения между прямым дополнением и предельностью? Ответ А. ван Хаут содержательно очень близок к тому, который предлагают Э. Риттер и С. Розен. Предельная интерпретация возникает тогда и только тогда, когда синтаксический признак предельности проверяется в проекции AgrOP, а это происходит при передвижении прямого дополнения в позицию Spec, AgrOP. При отсутствии такого передвижения теория предсказывает непредельную интерпретацию. Если прямого дополнения вовсе нет, отсутствие предельной интерпретации для случаев типа *John ate* следует автоматически. А для неквантованных (= неопределенных множественных

и неисчисляемых ИГ) прямых дополнений А. ван Хаут далее постулирует, что они обязаны остаться в глагольной группе и проверить свой падеж, не покидая ее пределов. Внутри глагольной группы такие ИГ могут получить лишь слабый падеж и не могут проверить признак предельности. В результате предельная интерпретация также оказывается недоступной.

Таким образом, теория А. ван Хаут предсказывает, что предельность должна коррелировать с приписыванием “сильного” структурного падежа – аккузатива. Заметим, что это предсказание выполняется для языков (в частности, алтайских и уральских), в которых пациентная именная группа может получить аккузативный падеж, но может и остаться немаркированной. Только в первом случае, как и можно ожидать исходя из предложенного анализа, делается возможной предельная интерпретация.

Это материал, который мог бы убедительно подкрепить аргументацию автора, впрочем, остается за пределами статьи. Зато в статье присутствуют данные о том, как дети усваивают корреляцию между наличием/отсутствием прямого дополнения и предельностью/непредельностью клаузы в нидерландском. Выясняется, что эта корреляция усваивается поздно – детьми старше 5 лет. “Что может вызвать такую задержку? – спрашивает автор (с. 273). – Прежде всего то, что в нидерландском языке есть альтернативные способы кодирования предельности, например частицы, <...> и дети усваивают их раньше”. Хотя нельзя отрицать, что в германских языках фразовые частицы делают предикат предельным (ср. англ. *eat up*), у читателя остается впечатление, что такое объяснение, к сожалению, никак не следует из анализа, предложенного в теоретической части статьи.

Третья часть книги – “Структура события и синтаксис и семантика наречий” – посвящена тому, как различные классы наречий взаимодействуют с аспектуальным, темпоральными, агентивными и/или каузативными характеристиками клаузы.

В статье К. Тенни “Ядерные события и адвербиальная модификация” (“Core events and adverbial modification”) исследуются три типа наречий, которые она называет наречиями меры, реститутивными наречиями (‘опять’) и *почти*-наречиями. В статье демонстрируется, что эти классы различаются тем, взаимодействуют ли они (и если да, то как именно) с двумя основными структурными элементами семантического представления, которые автор называет ядерным событием и мерой/способом. Эти элементы синтаксически выражают

ся глаголом и его внутренним аргументом. Опираясь на синтаксическую и семантическую дистрибуцию трех классов наречий, К. Тенни размещает их в трех различных функциональных проекциях, которые образуют структуру события для данной клаузы. Наконец, она обосновывает идею, согласно которой единицы семантического представления находятся в одно-однозначном соответствии с функциональными проекциями в синтаксисе, которые и определяют их композиционное взаимодействие.

Статья Т. Эрнста “Образ действия и события” (“Manners and events”) посвящена проблеме того, что в английском языке наречия определенного класса могут иметь различную сферу действия – либо на всю клаузу, либо на ее составляющую. Например, предложение *Clearly, they saw the sign* ‘Ясно, (что) они видели знак’ вводит эпистемическую оценку ситуации, производимую говорящим, тогда как *They saw the sign clearly* ‘Они видели знак отчетливо’ лишь описывает то, что традиционно называется образом действия. Имея в виду эти две возможности, какой анализ следует сопоставить наречию типа *clearly*? Все ли наречия в этом отношении ведут себя одинаково? Ответ на эти вопросы и предлагается в статье Т. Эрнста.

Во многом схожую проблему затрагивает и статья Дж. Викболдт, только в этом случае предметом анализа являются наречия образа действия, расположенные внутри зависимых предложений, вводимых союзом *since*. Известно, что такие зависимые допускают два прочтения – временное и причинное. Оказывается, во втором, но не в первом случае в составе зависимого разрешены наречия образа действия, как показывает противопоставление между *‘Since John entered the room quietly, he’s been looking for a seat* ‘С того момента как Джон вошел в комнату тихо, он был занят поисками места, где сесть’ и *Since John entered the room quietly, no one noticed him* ‘Поскольку Джон вошел в комнату тихо, никто не обратил на него внимания’. Анализ Дж. Викболдт основывается на допущении, что в случае временного *since* вводимая зависимым информация размещается в пресуппозиции, а в случае причинного *since* – в ассерции. А поскольку, как показывают переводы английских предложений, в русском языке представлено аналогичное противопоставление, читатель может, ознакомившись с деталями предлагаемого анализа, легко проверить выводы автора на русском материале.

Статьи, представленные в четвертой части сборника – “О событийных аргументах и аргументах состояния”, посвящены исследованию

теоретических возможностей, которые открыла перед семантистами идея событийной переменной в теории Д. Дэвидсона и последующих работах Т. Парсонса [Parsons 1990]:

В статье А. тер Мелен “Как различить события” (“How to tell events apart”) поднимается вопрос о том, как организована и чем поддерживается референция к событиям. Как и именные выражения, глагольные предикаты вступают в разнообразные отношения кореферентности, а значит, возникает проблема того, какие в этой области есть закономерности и ограничения и чем они объясняются. В статье А. тер Мелен анализируется частный случай этой общей проблемы, а именно, как аргументы глагольного предиката воздействуют на кореферентность обозначаемых им событий. Материалом выступают нидерландские конструкции, состоящие из глагола *laten* ‘допускать, позволять’ (англ. *let*) и инфинитива смыслового глагола, в которых один из аргументов представлен либо простым рефлексивом *zich* ‘себя’, либо сложным рефлексивом *zichzelf* ‘самого себя’, как например, в *Jan liet zich vallen* ‘Ян позволил себе упасть’. Автор анализирует такие конструкции, опираясь на два основных допущения. Во-первых, и глагол *laten*, и инфинитив смыслового глагола имеют свои собственные событийные аргументы, которые вступают в отношение кореферентности. Во-вторых, два глагола имеют общую аргументную структуру. Такая система допущений позволяет, в частности, объяснить различные свойства данной конструкции при наличии простого и сложного рефлексива.

Статья Г. Катца “Антинеодэвидсонизм” (“Anti neo-Davidsonianism”) посвящена проблеме анализа стативных предикатов. Верно ли, что у таких предикатов имеется дэвидсонов аргумент? Исходный анализ Д. Дэвидсона предполагал, что такой аргумент есть только у динамических предикатов. В работах последователей Д. Дэвидсона, однако, возобладали противоположная точка зрения. Соответственно, возникает вопрос о том, какой из двух возможных анализов предложений типа *John loves Mary* ‘Джон любит Мэри’ следует предпочесть – классический дэвидсонов *love(j, m)* или неодэвидсонов *λs.love(s, j, m)*, – а также каким эмпирическим материалом может быть обосновано подобное предпочтение. Обсуждая противопоставление предикатов индивидуального уровня и предикатов стадийного уровня, Г. Катц отстаивает “классический” подход. Дискуссия между сторонниками того и другого анализа на самом деле российскому лингвисту хорошо знакома – просто в свое время она у нас велась на совершенно другом языке. Наличие/отсутствие событийного аргумента –

это в точности наличие/отсутствие временной локализованности ситуации, о которой писали российские семантисты в 1980–90-е гг. Отсутствие ситуационного аргумента, представленного переменной *s*, эквивалентно отсутствию временной локализации. Во времени существуют только ситуации. То, что не является ситуацией, существует вне времени.

Проблемы стативных глаголов обсуждаются и в статье Л. Пилкканен “О стативности и каузации” (“On stativity and causation”). Рассматривая каузативы от эмотивных и перцептивных глаголов в финском языке, автор ищет эмпирический ответ на вопрос, может ли одно состояние каузировать другое. Вопреки точке зрения целого ряда семантистов, выясняется, что может. Л. Пилкканен сопоставляет соответствующим каузативам анализ, в котором представлены два состояния, связанные отношением каузации, причем первое, каузирующее состояние – это состояние перцепции. Финский язык также дает прекрасную возможность сравнить “простые” (атомарные) и “сложные” (с внутренней каузацией) состояния и обнаружить, что в этом случае мы имеем дело с двумя весьма различными типами стативности. Для объяснения второго, “сложного” типа Л. Пилкканен привлекает введенное в [Levin, Rappaport Hovav 1995] разграничение между внутренней и внешней каузацией и показывает, что в анализируемом случае представлена первая.

Основной задачей статьи Дж. Пустейовского “События и семантика оппозиций” (“Events and semantics of oppositions”) является не столько анализ неизвестных фактов, сколько преодоление проблем, связанных с уже установленными. Автор “Генеративного лексикона” [Pustejovsky 1995] на этот раз предлагает полную и непротиворечивую теорию структуры события, которая должна стать компонентом семантического описания естественного языка и которая позволяет преодолеть слабость предшествующих теорий. Примером явления, которое объяснялось неудовлетворительно и которое мы нашли адекватное истолкование в новой теории Дж. Пустейовского, являются предложения типа *Джон смешал сухое молоко с водой*. Проблема состоит в том, что молоко обладает свойством СУХОЕ только до завершения события ‘смешать’; после завершения события применение предиката СУХОЙ к молоку создаст ложное утверждение. Не вдаваясь в технические детали теории, которые подробно изложены в статье, приведем пример предлагаемого семантического представления, которое, как показывает автор, позволяет эксплицитно выразить, какие свойства и у каких партиципантов сохраняются либо меня-

ются при осуществлении события. Например, предложение *Mary cleaned the table* 'Мэри очистила стол' получает представление на рис. 3.

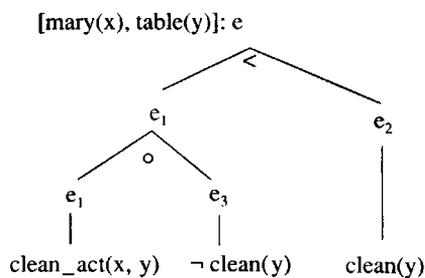

Рис. 3.

Как видно из рис. 3, данное представление утверждает, что событие *e*, участниками которых являются Мэри и стол, состоит из двух подсобытий, *e*₁ и *e*₂, одно из которых предшествует другому во времени (символ <); *e*₂ представляет собой результирующее состояние 'быть чистым', в которое переходит пациент. Событие *e*₁, в свою очередь, состоит из двух подсобытий *e*₁ и *e*₃, одно из которых представляет собой деятельность по очистке стола, осуществляемую Мэри, а второе – состояние стола 'не быть чистым'; *e*₁ и *e*₃ пересекаются во времени (символ °).

В исключительной краткой – десятистраничной – статье Б. Парти «Некоторые замечания об использовании понятия "событие"» («Some remarks on the linguistic uses of the notion of "event"») – перечисляются и комментируются основные содержательные проблемы, которые возникали по мере экспансии понятия "событие" в лингвистическую (формальную) семантику. Б. Парти прослеживает эволюцию взглядов на события как особый онтологический тип с конца 1960-х по конец 1990-х годов – с того момента как Д. Дэвидсон [Davidson 1967] предложил дополнить модели, используемые для интерпретации естественно-языковых выражений, особой разновидностью существей – событиями.

Получив онтологический статус наряду с более привычными для лингвистов и логиков индивидами, события со временем завоевали среди семантистов большую популярность. Многие вопросы, тем не менее, остались на повестке дня. Что обозначают глаголы, глагольные группы и клаузы – события или предикаты над событиями? Если сравнивать именные и глагольные выражения, имея в виду, что общее имя обозначает множество (тип <e, ⊃>), а именная группа может, среди прочего, обозначать либо индивид (тип <e>), либо

множество множеств (тип <<e, ⊃> ⊃>), на что больше похожа, например, глагольная группа? Обозначает ли она событие или множество событий? Как в точности осуществляется наречная модификация выражений, которые обозначают множества событий? Имея в виду, что модификация может быть рекурсивной, когда результат одной модификации является входом для другой (как, например, в случае *write a letter every day for two weeks every summer for ten year* 'в течение десяти лет каждое лето в течение двух недель писать письмо каждый день'), как эксплицитно и формально описать ее семантический механизм? Наконец, до какой степени идея о том, что некоторые события имеют сложную структуру, предполагает, что такой же должна быть и структура описания этих событий? Если мы знаем, например, что событие типа 'открыть' предполагает наличие такого подсобытия, как деятельность агенса, означает ли это, что и в нашем анализе 'открыть' непременно должно присутствовать не менее двух семантических компонентов? Можно ли найти эмпирический ответ на такие вопросы и если можно, то какого рода факты следует принять к рассмотрению?

Отвечая на эти вопросы, Б. Парти подводит читателя к последней странице этой превосходной книги. И завершить настоящую рецензию мы позволим себе ее словами: "Многие нерешенные вопросы оставались и остаются, но стало совершенно ясно, как много можно достичь, собрав группу настолько разных исследователей для обсуждения всех этих тесно связанных между собой проблем".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Davidson 1967 – D. Davidson. The logical form of action sentences // The logic of decision and action / Ed. by N. Rescher. Pittsburgh, 1967.
- Hale, Keyser 1993 – K. Hale, S.J. Keyser. On argument structure and the lexical expression of syntactic relations // The view from building 20 / K. Hale, S.J. Keyser (eds.). Cambridge (Mass.), 1993.
- Hale, Keyser 2002 – K. Hale, S.J. Keyser. Prolegomena to a theory of argument structure. Cambridge (Mass.), 2002.
- Krifka 1989 – M. Krifka. Nominal reference, temporal constitution and quantification in event semantics // Semantics and contextual expression / R. Bartsch, J. van Benthem, P. van Emde Boas (eds.). Dordrecht, 1989.
- Krifka 1992 – M. Krifka. Thematic relations as links between nominal reference and temporal

- constitution // *Lexical matter* / I. Sag, A. Szabolsci (eds.). Stanford, 1992.
- Krifka 1998 – *M. Krifka*. The origins of telicity // *Events in grammar* / Ed. by S. Rothstein. Dordrecht, 1998.
- Levin, Rappaport Hovav 1995 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Unaccusativity. At the syntax-lexical semantics interface. Cambridge (Mass.), 1995.
- Parsons 1990 – *T. Parsons*. Events in the semantics of English. A study in subatomic semantics. Cambridge (Mass.), 1990.
- Pustejovsky 1995 – *J. Pustejovsky*. The generative lexicon. Cambridge (Mass.), 1995.
- Rappaport Hovav, Levin 1998 – *M. Rappaport Hovav, B. Levin*. Building verb meaning // *The projection of arguments: Lexical and compositional factors* / M. Butt, W. Geuder (Eds.). Stanford, 1998.
- Verkuyl 1999 – *H.J. Verkuyl*. Aspectual issues. *Studies in time and quantity*. Stanford, 1999.

C.Г. Татевосов